

Отзыв официального оппонента на диссертацию А. О. Ястребова «Русско-венецианские церковные связи конца XVII-начала XVIII вв. Россия и греческая община Венеции».

Диссертация о. А. О. Ястребова на соискание ученой степени доктора церковной истории представляет собой серьезное научное исследование, отличающееся глубиной и широтой охвата заявленной темы. Она основана на глубоком и подробном изучении имеющейся литературы, в том числе на английском, итальянском, латинском, а также и новогреческом языках. Особо следует отметить широкое использование автором архивных и рукописных материалов, хранящихся не только в русских архивах, но также в библиотеках и архивах Венеции, Падуи, Флоренции, Рима. Это сопоставление материалов и публикаций, осуществленных авторами разных стран, придает диссертации особенную актуальность. Весь этот арсенал научных исследований направлен на оригинальное и глубокое изучение темы, которая до сих пор мало привлекала историков и, как отмечает автор, входила «в орбиту научных интересов ряда исследователей по преимуществу лишь по касательной». Как всякое творческое исследование, работа о. Алексия дает возможность для размышлений, некоторыми из которых хочется далее поделиться.

Диссертация начинается с чрезвычайно подробного и тщательного источниковедческого очерка, который на самом деле показывает недостаточную изученность поставленного в диссертации вопроса. Этот очерк особенно очевидно показывает огромную эрудицию автора и его осведомленность в разных вопросах истории Венеции и России в рассматриваемый период.

Первая глава названа «Россия и греческая община Венеции до эпохи Петра I». В ней диссертант пытается создать широкую картину жизни греков в Венеции, начиная с раннего времени. Это стремление расширить круг рассматриваемых вопросов характерно для всей работы и свидетельствует о несомненной эрудиции автора. Однако такой подход к теме создает, по нашему мнению, некоторую перенасыщенность, отвлекает внимание от основного сюжета, в результате чего научная новизна оказывается заслоненной общеизвестными фактами. В данной главе, которая в значительной мере является вводной, слишком большое место занимает история Венеции с момента ее основания (более 20 страниц).

Представляется, что можно было бы ограничиться только историей греческой общины в городе Сан Марко, которая и излагается далее.

Тем большим контрастом является следующий раздел, посвященный Иоанникию Лихуду и его деятельности в Венеции и России. Пребывание Лихуда в Венеции в 1688-1691 гг. является событием, выходящим за рамки обычной поездки. Основным документ, связанный с его пребыванием здесь – «орация», произнесенная в Сенате 23 июля 1688 г., действительно является ярким свидетельством русско-венецианских отношений своего времени и звучит как страстный призыв к развитию политического и военного союза между двумя государствами. Вместе с тем, автор останавливается на различных сторонах миссии Лихуда, раскрывая в том числе некоторые корыстные интересы, которые он имел во время переезда из Москвы в Венецию. Интересны наблюдения диссертанта о покровительстве Иоанникию Лихуду со стороны Петра I. Заслуживает внимания также гипотеза автора о том, что не названный по имени «греческий монах», явившийся «с царской грамотой» на русском языке в Палаццо Дукале 12 августа 1689 г. вряд ли мог быть Лихудом, уже достаточно в то время известным в Венеции. Согласно автору, это мог быть архимандрит Синайского монастыря Кирилл, действительно побывавший в России, откуда он выехал в феврале 1689 г.

И все же спорным кажется утверждение диссертанта о том, что Лихуда можно рассматривать как русского посланника в Венеции. Правда тут же он оговаривается, что «полномочным министром в классическом смысле слова его назвать было бы слишком смело, однако в течение трехлетнего пребывания в Венеции он исполнял обязанности дипломата, который бы на профессиональном языке того времени назывался бы резидентом». Как следует из текста, Лихуд не имел верительной грамоты. Возможно, он сам предпочел не подавать имевшегося у него рекомендательного письма, потому что мог быть в нем представлен как простой гонец. Нельзя согласиться и со следующим высказыванием о. Алексия «Понадобится без малого сто лет (1783 г.), чтобы в Италии и вновь в Венеции, – был назначен первый русский аккредитованный посол гр. С. Р. Воронцов». Конечно, дипломатические отношения на уровне послов означают более высокий уровень контактов, однако аккредитованный в Венеции в качестве консула с 1767 г. маркиз Пано Маруцци может смело рассматриваться как официальный (к тому же достаточно активный) представитель России в

Венеции, не говоря уже о консуле Деметрио Боцисе, о котором далее подробно рассказывает автор.

Во второй главе анализируется процесс установление регулярных русско-венецианских контактов в царствование Петра I и участие в них греческой общины. Здесь довольно кратко говорится о русских дворянах, обучавшихся в последние годы XVII в. в Венеции и оставивших записки о своих путешествиях. Более подробно, до какой то степени повторно, о них же речь идет также в четвертой главе. С 1711 г. в Венеции появляется официальный русский консул – Деметрио Боцис, а почти одновременно – агент Маттео Каретта. К сожалению, о деятельности обоих мало что известно и в русских, и в итальянских архивах. Диссертант вносит важное дополнение о том, что Боцис находился в Венеции еще в 1723 г., но неясно, чем он здесь занимался. По нашим данным, он неоднократно совершал переезды из Венеции в Петербург, в том числе в ноябре 1716 г. и в апреле 1721 г. В августе 1725 (а не в 1726 г.) он ходатайствовал о получении денег, истраченных им за 11 лет службы.

Гораздо лучше мы осведомлены о деятельности торгового агента Петра Ивановича Беклемишева, сменившего Каретту в 1716 г. Он действительно занимался торговлей между двумя странами, но также поставлял сведения о настроениях венецианского народа, а также засекреченную информацию о венецианском флоте, покупал картины, гравюры. Не совсем точно утверждение о том, что главным адресатом в торговле становился город Ливорно. Насколько нам известно, не был осуществлено ни одного прямого рейса из Ливорно в Петербург, если не считать русского корабля «Армонт». Все корабли, отправляемые из Ливорно, затем перегружались в Амстердаме. Зато из Венеции было в Россию отправлено по меньшей мере 6 кораблей, главным образом, усилиями графа Саввы Владиславича, обычно называвшегося в русских документах Рагузинским. Не имея дипломатического статуса, он и при Беклемишине, и после отъезда Беклемишева весной 1721 г. воспринимался в Венеции как «агент царя Московии» и, благодаря своему богатству и связям, пользовался определенным влиянием в политических кругах. Именно годы пребывания в Венеции Беклемишева и Рагузинского явились наиболее плодотворными для русско-венецианских торговых и культурных связей петровского времени.

Значительная часть главы 2 посвящена вопросу о возможном кратком визите Петра I в Венецию в последние дни июля 1698 г. Есть опасность однако, что читатель, недостаточно знакомый с историей вопроса, может не понять ту аргументацию, которая была приведена мной в 1994 г. Дело в том, что существуют донесения неизвестного по имени конфиденнта начальнику секретной службы Венеции, в которых идет речь о присутствии в городе царя. В принципе эти документы давно известны и были опубликованы Е. Ф. Шмурло, который считал их «любопытным образчиком заблуждения». Однако ни он, ни последующие исследователи не обратили внимания на записку от 16 июля, связанную с ними, из которой следует, что этот конфиденнт был внедрен в круг «молодых москвитов», находившихся тогда в Венеции и получал информацию о царе от них. Это обстоятельство заставляет верить другим сведениям конфиденнта. В данном случае диссертант делает несколько уточнений, которые в целом свидетельствуют в пользу высказанной гипотезы, хотя отмечает и некоторые противоречия.

Центральное место в диссертации занимает 4-ая глава «Россия и церковная жизнь греческой общины. Венеция на рубеже XVII и XVIII в. Россия и греческая община Венеции». Диссертант с характерной для него обстоятельностью прослеживает историю греческой общины в Венеции до и после строительства в XVI в. церкви Сан Джорджо деи Гречи, связанную со стремлением православных священников и прихожан церкви отстоять свою независимость от католиков. Здесь же анализируются записки русских путешественников, побывавших в Италии в последние годы XVII в. Наибольший интерес к вопросам церкви и церковной службы, безусловно проявил П. А. Толстой, давший подробное описание богослужения в церкви Сан Джорджо деи Гречи. Представляется однако более логичным поместить эти сведения несколько ранее, в главе 2, где рассматривался вопрос о контактах между Россией и Венецией в начале петровского правления. Не совсем ясна позиция диссертанта также в вопросе об идентификации автора так называемых «Записок высокой особы». С одной стороны, он в курсе последнего предположения И. и Д. Гузевичей о том, что записки принадлежали рано умершему Андрею Петровичу Измайлову (тогда как ранее, по версии Ф. Оттена, они приписывались Андрею Матвеевичу Апраксину), Диссертант даже дополняет последнюю гипотезу важным наблюдением о посещении Измайловым Флоренции, что вполне совпадает с

маршрутом нашего анонима. С другой стороны информация находит себе место только в примечаниях, что придает ей второстепенный характер.

Особое внимание диссертант справедливо уделяет «Странствованиям» В. Г. Григоровича-Барского, проведшего значительное время под крылом греческой общины Венеции. В отличие от записок русских дворян, их характеризует очень личной эмоциональное отношение к описываемым событиям, а также глубокий и искренний интерес к вопросам веры.

Достаточно подробно в диссертации рассказывается о лицемерной политике митрополита Мелетия Типальда, практически тайком от большинства греков признавшего главенство Рима. Очень важно письмо Типальда из Библиотеки Кверини Стампалья, показывающее его подлинное лицо и выдающее его негативное отношение к России и русскому царю.

Важное место естественным образом здесь занимает анализ писем Петра I к дожу Джованни Корнаро от 7 декабря 1710 г., в одном из которых содержится просьба отстранить «непостоянного Филадельфия» (то есть Типальда) от управления греческим приходом как лица заинтересованного в «частных прибытках». Необычность такой просьбы со стороны царя автор справедливо рассматривает в плане общей антитурецкой политики двух государств, а также в роли царя как главы русской православной церкви и объединения православных христиан. Венецианский Сенат, естественным образом, уклонился от прямого вмешательства в дела греческой общины, ответив фактически одной фразой. Остается считать, что само письмо должно было произвести определенное впечатление на венецианское правительство.

Автор диссертации справедливо поднимает вопрос о том, кто мог инициировать письмо Петра I, но не приходит к окончательному выводу. Нам представляется, что, скорее всего, информация о делах греческой общины могла исходить от Саввы Владиславича-Рагузинского как человека, тесно связанного с Венецией и достаточно близкого к Петру I, особенно в период предшествующий Прутскому походу. Будучи православным (несмотря на некоторые сомнения со стороны диссертанта) и являясь потомком известной с XI в. знатной византийской фамилии, переселившейся в Далмацию, он располагал значительным числом корреспондентов во многих странах и регулярно доносил разные сведения до Петра I. Он должен был быть ранее прихожанином церкви Сан Джорджо деи Гречи и мог иметь

абсолютно достоверную информацию о деятельности Типальда. Позволю себе напомнить о том, что с его помощью позднее было установлено пребывание царевича Алексея в Неаполе. В приложении к диссертации мы находим еще один аргумент в пользу этого предположения – письмо Раймондо Галлани, викария Константинопольского в Конгрегацию Пропаганды веры от 22 марта 1709 г., где Владиславич характеризуется как доверенное лицо русского царя.

Глава заканчивается обзором литературы, посвященной Петру I и написанной венецианскими греками. Здесь, наряду с известным сочинением Антонио Катифоро «Жизнь Петра, великого императора России», рассматривается также биография царя, составленная Афанасием Скъядой.

Итоги работы подводятся в заключении, однако за ним следуют еще приложения, также занимающие немало места. Здесь приводятся, в частности записки Иоанникия Лихуда, царские грамоты к венецианским дожам, выписки из депеш венецианского посланника в Константинополе о греках Боцисе и Дасколи, принявших русскую службу. Эти документы, о которых речь уже шла в основном тексте диссертации, естественным образом дополняют текст. Очень важно также, что документы на итальянском языке даются в русском переводе, что делает их доступными для большего числа историков. Не менее интересна и вторая группа приложений – фактически статьи автора по близким к теме диссертации вопросам, однако не полностью соответствующие заявленной теме. По нашему мнению, особый интерес здесь представляют материалы о связях П. А. Толстого с деятелями католической церкви, в том числе письмо Раймондо Галлани, викария Константинополя, в Конгрегацию Пропаганды веры с представлением Толстого и Рагузинского к званию кавалеров от 22 марта 1709 г.

Заканчивает диссертацию список литературы из 481 номера. Как можно понять, автор затрагивает здесь и публикации на близкие сюжеты. И здесь следует отметить отсутствие важных публикаций, в том числе на русском языке. Это в первую очередь, книги Н. И. Павленко «Петр Великий» и «Птенцы гнезда петрова» (последняя включает в себя не только значительно расширенную биографию Рагузинского, но и жизнеописание Толстого). Оставлены без внимания также две публикации Марии Ди Сальво о деятельности семейства Гваскони в Европе и дневнике путешествия И. Л.

Нарышкина (первая в сборнике 1998 г. Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century, Groningen, вторая в альманахе «XVIII век» (1999 г.).

Таким образом, общий объем диссертации о. Алексия составляет 502 страницы текста с примечаниями.

Остается повторить, что перед нами серьезное и оригинальное исследование, заслуживающее публикации, возможно, с некоторыми сокращениями. Отмеченные нами спорные моменты и некоторые упущения никак не умаляют достоинств работы. Нет никаких сомнений, что она заслуживает присуждения искомой степени доктора церковной истории. Автореферат полностью соответствует тексту диссертации.

Доктор искусствоведения

С. О. Андросов

Подпись руки С. О. Андросова заверяю:
Ученый секретарь Государственного Эрмитажа

М. М. Дандамаева

